

Однако две стороны весов абсолютно не могут достичь баланса в мирском смысле. Уже сам факт, что это фильм на гомосексуальную тему, предопределяет его судьбу, подобную мотыльку, летящему на огонь, — обречённую, но стремящуюся к жизни. Единственное отличие в том, что у мотылька всего одна жизнь, а у участников этого фильма, если он провалится, будет следующий.

Огромные финансовые вложения и неисчислимы усилия, вложенные в создание, совершенно не волнуют мейнстрим. Если в итоге получится провальная работа, насмешки неизбежны. Но если фильм получит признание зарубежных медиа и качество окажется бесспорным, то, помимо похвалы, вряд ли можно ожидать какой-либо реальной помощи.

Каждый член съёмочной группы, вероятно, понимает это. Хотя все уверены в самом фильме, но то, что для одного — мёд, для другого — яд. Даже если награды будут упущены, это вполне нормально. Самое главное в том, что с самого начала фильм не был ориентирован на зрителя, в нём нет острых моментов, и история довольно мрачная, поэтому его отвержение рынком было предсказуемым. Таким образом, решение Цзи Аня отказаться от коммерческого фильма, о котором другие могли только мечтать, и выбрать «Город блаженства», кажется, в любом случае, весьма невыгодным.

Однако у него, должно быть, были веские причины для такого решения, и эти причины не в его положении, чтобы их обсуждать. В этот момент главные создатели фильма начали заходить в комнату для чтения сценария. Вэй Сюнь приветствовал каждого, и все были дружелюбны и легко шли на контакт, улыбаясь и кивая в ответ. Когда пришёл Сунь Юэ, он сначала произнёс несколько слов, приветствуя Вэй Сюня, затем кратко высказал своё мнение о фильме, после чего началось чтение. Все взяли сценарии и начали проговаривать реплики, но не с чрезмерной серьёзностью, просто пробегая по сюжету, чтобы актёры быстрее сработались, поэтому атмосфера была расслабленной и приятной.

Больше всего сцен было с Цзи Анем, и, продвигаясь по тексту, Вэй Сюнь заметил, что отношение Цзи Аня отличалось от остальных. Оно казалось более... торжественным. Хотя его тон был спокойным и непринуждённым, без особой искусственности, но было ясно, что Цзи Ань относился к этому очень серьёзно. Хотя большинство актёров в группе были опытными профессионалами, которые никогда не относились к работе спустя рукава, Цзи Ань всё же выделялся, казалось, он превосходил их в этом. Действительно, за блестящими достижениями всегда скрывается внутренняя преданность, которую другим трудно заметить.

Во время обеда они сидели за одним столом, но разговоров было немного. В лёгком звоне посуды тишина не казалась неловкой.

В последующие дни их общение продолжалось в таком же ключе. Во время отдыха они обычно не искали тем для разговоров. У Цзи Аня не было той характерной для этого круга спешки в погоне за славой и богатством, возможно, это было связано с тем, что он уже достиг желаемой высоты. Но, более объективно, Цзи Ань производил впечатление человека, который совершенно не заботится о том, какие ярлыки на него навешивают, он просто серьёзно относится к своей работе. Хотя он не был человеком, который открыто выражает свои чувства, но можно было заметить, что он наслаждается процессом погружения в мир, созданный вымышленной историей.

Хотя в этом мире царил зло, и ради выгоды люди коллективно выбирали глухоту, лицемерно прикрывая острые углы тёплыми тонами.

Острые края скал откалывались от удара и падали на нарушителей запретной зоны, пронзая их

прозрачные души. Но боль была настолько реальной, что, несмотря на все усилия, они не могли выразить свои страдания.

Всё кончено. Путешествие, начавшееся три года и три месяца назад, когда он покинул Звезду Пустыни, полностью обесценилось, и последним аккордом стало рассеивание души в воздухе.

Хотя результат был неудовлетворительным, он не чувствовал сожаления. Ведь если бы он остался на Звезде Пустыни, плывя по течению и не пытаясь найти выход, у него не было бы даже шанса увидеть свет.

Но то, что он считал абсолютно утраченной возможностью выжить, теперь зарождалось внутри него. Его ноги и руки превращались в светящиеся пятна, исчезая, тело согнулось, как креветка, и он продолжал падать. Но в этот момент несколько золотистых, мягких и ярких лучей света собрались вокруг Лин Аня, словно нежная, но твёрдая защита. Затем, спрятанная в глубинах дворца Еду, раковина черепахи слегка задрожала, словно с радостью, будто наконец нашла подходящего хозяина.

Жидкий сплав и биоматериалы мгновенно собрались вместе, создавая ослепительные изменения, и на вершине утёса возникла изящная и возвышенная фигура. Хозяин этой фигуры, конечно, заметил фантастическое зрелище, вызванное нарушителем, и, прищурившись, с холодным и пронзительным взглядом, оценивал ситуацию.

Омерзительный змей, который никак не мог оказаться во дворце Еду, теперь действительно существовал. Значит, кто-то из влиятельных людей решил испытать пределы власти.

Пока что у него не было планов избавляться от этой заразы, можно позволить ей разрастись. Но, казалось бы, обычный нарушитель вызвал реакцию раковины, которая спала тысячу лет, поэтому он изменил своё первоначальное намерение уничтожить его душу.

После этого решения скалы продолжали откалываться, но уже не с той же безжалостной решимостью убить жертву. Поэтому Лин Ань, после краткого проблеска надежды, упал в глубины темницы, где его запечатали камнями, не оставив даже щели для воздуха.

Он ждал расправы с тревогой, но несколько дней ничего не происходило. Вокруг была тьма, без границ, и он не мог издать ни звука, поэтому даже пугающего эха не было слышно.

Хотя душа не нуждается в материальной пище, но, пока мысли текут, отчаяние проникает повсюду. Сколько длилось это замкнутое состояние, в котором не было никакого намёка на спасение, уже невозможно было определить. К концу он постоянно испытывал головокружение, рычал, бился, готов был на всё, лишь бы снова увидеть свет, даже исчезнуть навсегда было бы лучше, чем продолжать мучиться в таком положении.

Поэтому, когда безэмоциональный, холодный голос раздался у него в ушах, он почувствовал, будто услышал самую прекрасную музыку на свете, и, когда собеседник предложил поселить в его теле часть души, он тут же согласился, даже не задумываясь.

Собеседник тихо рассмеялся, словно всё было под его контролем. Когда Лин Ань пришёл в себя, он уже был на поверхности, купаясь в мягком солнечном свете, перед ним лежало его собственное изувеченное тело.

Вернувшись в него, он снова обрёл все ощущения живого существа. После долгой разлуки он вдруг осознал, как дороги были те чувства, которые он раньше воспринимал как должное. Даже боль от ран больше не пугала, напротив, он был вне себя от радости, ощущая жизнь.

Нос уловил неприятный запах гниющей плоти, что немного испортило настроение, но, поскольку это было его собственное тело, ощущение было странным и неопишным. Однако Шан Нань не видел смысла терпеть это. Он поднял Лин Аня и без усилий бросил его в питательный раствор, способствующий росту клеток.

Зуд, всё тело зудело, словно тысячи муравьёв ползали по коже и грызли плоть. Но руки были крепко связаны, и не было возможности почесаться, чтобы облегчить дискомфорт. В течение долгого времени он терпел этот сводящий с ума зуд, пока всё тело не было перестроено, и все клетки не обновились. Так кто же я теперь? Я всё ещё тот же человек?

На этот вопрос у Шан Наня был твёрдый ответ. Хозяин дворца Еду проявлял необычайный интерес к этому телу, лишь потому, что оно получило признание души из раковины, которая ждала тысячу лет. Поэтому, пока оно будет признано, то, о чём мучается этот низший змей, абсолютно не имеет значения.

Жители города Юю обычно живут более ста лет, сохраняя при этом самый цветущий внешний вид. Достичь такого состояния можно двумя способами: либо поддерживать тело через обновление клеток, либо, как Шан Нань, записать сознание в высокопластичный сплав.

<http://bllate.org/book/16302/1470153>